

ЖИТИЯ СВ. АНИНЫ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ¹

До сих пор обстоятельства жизни святого Анины (Aninas, Hannina – память празднуется 16 марта) реконструировались на основании двух агиографических текстов: грекоязычного жития, вставленного в Константинопольский Синаксарь (ВНГ 129z) во второй половине XII в.², и панегирика, принадлежащего перу риторика XIV в. Феодора Иртракина³. Оба текста, хоть и сильно различаются по стилю, одинаково малоинформативны. Именно это дало А. Каждану основание утверждать, что “биография Анины не содержит хронологических данных”⁴. В статье об Анине в ватиканской “Библиотеке святых” говорится то же самое: время его жизни неизвестно, а данные его житий легендарны⁵. Интересно, что слова о недатируемости жизни святого повторены и в недавно вышедшем томе “Православной энциклопедии”⁶, хотя в ней правильно указано вслед за архиепископом Сергием⁷, что существует еще и третий вариант жития, сохранившийся в славянском переводе. Видимо, авторы энциклопедической статьи не заглянули в этот перевод – иначе они вряд ли продолжали бы настаивать, что никаких датирующих признаков житие не предоставляет.

В действительности текстов об Анине довольно много: на византийской почве имеется еще посвященный ему канон Иосифа Песнописца⁸, который пока не опубликован. Однако гораздо важнее, что сохранилось сирийское жизнеописание Анины, принадлежащее перу Якова Саругского – однако и оно, к сожалению, остается неопубликованным⁹. Судя по пересказу Ф. Но и небольшому отрывку, опубликованному в итальянском переводе¹⁰, произведение Якова относится к той же традиции, к которой принадлежат греческие и славянские жития Анины, но уступает славянским как полнотой, так и исторической конкретностью.

¹ Выражаю глубочайшую признательность Xavier LEQUEUX за ценные замечания.

² *Delehaye H. Synaxarium Constantinopolitanum. Bruxelles, 1902. Col. 539–544, sub linea.* (Далее: С.).

³ Θεοδώρου τοῦ Ὑρτακηνοῦ Ἐγκωμιαστικὸς εἰς τὸν ἐν ἁγίοις πατέρα ἡμῶν Ἀνίαν τὸν θαυματουργόν // *Anecdota Graeca / Ed. F. Boissonade. Vol. II. P., 1830. P. 399–453.* (Д: Ф.).

⁴ *Kazhdan A. The List of Saints (Manuscript. Dumbarton Oaks). N 137.*

⁵ *Bibliotheca Sanctorum. Vol. I. Roma, 1961. Col. 1266–1267. Cf.: Acta Sanctorum Martii. Vol. II. P., 1865. P. 427–428.*

⁶ *Бугаевский В.А., Лосева О.В. Аниин // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 440.*

⁷ *Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 3 М., 1997. С. 111.

⁸ Ms. Athos, Lavra D 37, f. 31–33v; cf.: Μέγας Συναξαριστής τῆς Ὁρθοδόξου Ἐκκλησίας. Τ. 4. Ἐν Ἀθήναις, 1973. Σ. 320, σημ. 2; *Τομαδάκης Ε. Ἰωσήφ ὁ ὑμνογράφος. Ἐν Ἀθήναις, 1971. Σ. 150.* Наше поверхностное ознакомление с рукописью показало, что Иосиф опирался на какую-то традицию, которая родственна, но не совершенно тождественна остальным. Однако никаких исторических деталей в каноне не содержится.

⁹ *Nau F. Hagiographie syriaque // Revue de l'Orient Chrétien. 1915. Vol. 10. P. 62–64; cf.: Vöbbus A. Handschriftliche Überlieferung der Memre-Dichtung des Ja'qob von Serug (= Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 344; Subsidia 39). Louvain, 1973. P. 29–30.*

¹⁰ *Bais M. Il Topos del leone sanato in P'awstos Buzand // Revue des études arméniennes. 1996–1997. Vol. 26. P. 223.*

На славянский язык было переведено несколько вариантов жития: два полных и два кратких. Из полных имеется древнеболгарский текст, сохраненный (с пропуском в середине и в конце) в Супрасльской рукописи¹¹, и второй, выполненный, явно с того же оригинала, на Руси для Великих Миней Четий и опубликованный сравнительно недавно¹². Второй текст восполняет лакуны первого, в том числе, как мы убедимся, и в некоторых весьма важных местах. В тех же Великих Минеях имеются и еще целых два жития Анины: одно, под 16 марта, является точным, хотя и сокращенным переводом из Константинопольского Синаксаря¹³, с единственным добавлением в начале в виде перевода двустиптия в честь святого, видимо, созданного Христофором Митиленским. Гораздо интереснее второе краткое житие, содержащееся в Великих Минеях под 18 марта¹⁴ и явно восходящее к иной традиции о святом, нежели все остальные имеющиеся у нас тексты о нем. В отличие от остальных житий это единственное сообщает, где родился Анина – в сирийском городе Халкида (М., л. 426а42), совр. Киннесрин в 53 км от Антиохии¹⁵. Кроме того, лишь этот текст утверждает, что святой покинул отчий дом не в 15 (ср. С., 540.49–50)¹⁶, а в 18 лет (М., л. 426b.8–10). Только там есть важнейшее сведение о герое: тот не сразу стал жить в пустыне, а сначала постригся в монастыре и лишь позднее “не изволи ту жития уставити, но отиде в дальнюю пустыню идеже бе Ефрат река разделяющися от Персь” (М., л. 426b.13–18).

Если Синаксарь утверждает (С., 541.40), будто Анина подвизался около города Кесария (что и сбилось с толку А.П. Каждана), то славянские тексты именуют этот город Неокесария (М., л. 414d.21–24, ср.: Р., 551.1–3). Данное название замечательно укладывается в общую топографию жития: это совр. Дибси Фарадж на Верхнем Евфрате в Северной Сирии, что, в свою очередь, позволяет идентифицировать епископа города, Патрикия, не раз упоминаемого в житии. Епископ Патрикий Неокесарийский был активным участником II Халкидонского собора в 451 г.¹⁷ Археологи выявили следы интенсивной строительной деятельности в Дибси Фарадж, пик которой приходится как раз на середину V в.¹⁸, так что Анина для своей пустынножизни выбрал довольно “модное” место.

Однако вернемся к противоречиям в наших источниках. Даже когда все они рассказывают об одних и тех же событиях, акценты в них расставлены по-разному. Например, все варианты жития сообщают, что святой начал свое пустыничество, подселившись к другому анахорету, который через некоторое время

¹¹ Супрасълски или Ретков сборник / Изд. Й. Заимов, М. Капальдо. Т. 2. София, 1983. С. 543–570. (Далее: Р.).

¹² Die Grossen Lesemenaen des Metropolitzen Makarij. Uspenskij Spisok / Hrsg. E. Weiher. Bd. II. Weimar; Freiburg, 1998. (Далее: М.). Это издание не упомянуто в статье об Аinine из “Православной энциклопедии”.

¹³ Там же. Л. 392в. 4–393а.30.

¹⁴ Там же. Л. 426а.39–426с.34.

¹⁵ “Chalkis” // RE. Bd. III. 1899. Col. 2090–2091. Разумеется, речь не идет о малоазийском Халкидоне, с которым отождествляет родину святого комментатор Димитрия Ростовского: Жития святых, изданные по Четым Минеям св. Димитрия Ростовского. М., 1904. С. 368. Прим. 1.

¹⁶ Тот же возраст указан и в сирийском житии, см.: *Nau F. Hagiographie syriaque*. P. 63.

¹⁷ Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. Vol. II. Pt. 1. Fasc. 2. B., 1933. P. 4, 31, 37, 71, 86, 132, 143. Cf.: *Devreese P. Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'eglise jusqu'à la conquête arabe*. P., 1945. P. 286–287.

¹⁸ *Harper R.P. Excavations at Dibsi Faraj, Northern Syria, 1972–1974: A Preliminary Note on the Site and Its Monuments* // DOP. 1975. Vol. 29. P. 322–334.

решил уйти из этого места. При этом в М. утверждается, что старец “оубоявся отиде в монастырь иже бе на Ефрате и поведи о Анине... и удевен же быс от братия в монастыри и приходяху к нему мниси мнози, имуше недужния” (М., л. 42бс.5–8, 10–14). Ни в одном другом варианте жития ничего не говорится о соседнем монастыре, и вообще картина расставания пустынников представлена несколько по-другому: в Р. сказано, что старец Кайума, видя, как Анина начинает превосходить его в подвижничестве, решил, что невозможно долее принимать услужение от такого светоча и “отити помысли, единого его оставити мужающтася” (Р., 548.12–13). Куда ушел старец, не говорится, и лишь ниже упомянуто, что “въ днехъ же техъ начаша страннии приходити къ обители его: славно бо бысть имя его чръноризцемъ всемъ ближнимъ” (Р., 548.24–26). Что же касается синаксарного варианта С., то в нем ощущается напряженность между двумя пустынниками, от благостной картины тут не остается и следа: «Через какое-то время его (Анины) учитель захотел уйти оттуда, что и сделал. А этот блаженный (Анина) сказал ему: “Прости, честной отче, что не по душе мне удалиться отсюда, (ведь) руководил моим приходом Бог”. И он остался» (С., 539–540.54–57).

У Иртакина мотив разлада между пустынниками доведен до высокого драматизма: “Долго царило между ними святое и единоедушное сожительство, но потом, не знаю почему и как, произошло нечто неожиданное. А случилось вот что. Майума, словно преисполнившись ненависти к (этому) месту, попытался переселиться (оттуда), полагая, что то же самое (сделает) и Анина, ведь иначе он не мыслил своей жизни. Но хотя первый пытался (уйти), второй со своей стороны убеждал остаться. И оба они пребывали в какой-то нерешительности” (Ф., 421).

Сравнение всех текстов показывает, что автор С. использовал греческий оригинал Р., но очень сильно его сократил. Что же касается Ф., то он свободно фантазировал, опираясь на С. и, возможно, еще на какой-то не дошедший текст об Анине. Характерно, например, что выражение “внутренняя пустыня” (Р., 547.12–13) повторяется у Иртакина в совершенно другом контексте (Ф., 422). Славянский текст подчас аккуратнее сохранил особенности своего греческого оригинала, чем последующие греческие же переработки. Например, старец, с которым поселился Анина, в славянском тексте назван Кайума, а в греческих – Майума. Никто раньше не сомневался, что правильная форма – вторая (Р., 547 арр. сгт., Северьянов), однако она явно появилась по аналогии с топонимом Маяума, местом смерти Косьмы Гимнографа – в сирийском же варианте жития приведена как раз форма Кайума¹⁹; вообще, это имя хорошо засвидетельствовано в актах церковных соборов²⁰.

Феодор Иртакин был интеллектуалом XIV в.²¹ В его панегирике Анине цитируются самые изысканные античные авторы: Платон, Аристофан (Ф., 432), Гомер, Филострат (441), Геродот, Еврипид (432), Пиндар, Эпихарм, а также византийские: Григорий Назианзин, Михаил Пселл (441). У Феодора пустынный обращается ко льву с цитатой из Феокрита (424). Столпник описывается словами Гомера (438), и гомеровскими же цитатами цветет переписка между пустын-

¹⁹ *Nau F. Hagiographie syriaque*. P. 63.

²⁰ *Acta Conciliorum Oecumenicorum* / Ed. E. Schwartz. Vol. II. Pt. 1. Fasc. 1. B., 1933. P. 59.19; *Ibid.* Vol. II. Pt. 1. Fasc. 2. P. 153.16; *Ibid.* Vol. IV. Pt. 3. B., 1940. P. 34.7; 110.3.

²¹ *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*, N 29507; *Oxford Dictionary of Byzantium*. P. 966–967.

ником и столпником (440). В том месте, где в житии упоминается, что святой вырыл яму для сбора дождевой воды, Иртакин пускается в сложное, с использованием евклидовой лексики, геометрическое описание этой ямы, явно выдуманное им самим (424–425). Он сообщает фантастические псевдонаучные сведения о том, что алмаз можно растопить козлиной кровью (431–432). Там, где автор первого жития походя сообщает, что некто “оубог... тогда пришед в монастырь плача и рыдая глаголаше лодника имети близ не мошти же ся ему чимъ искупити, умилосердив же ся праведник” (Р., 551.26–29), а Синаксарь повторяет эти краткие слова (С., 5412.41–43), Иртакин разворачивает целую сцену: “Некий муж, имея недостаток богатства, а вернее избыточную нужду, и потому работавший ремесленником, дабы доставлять необходимое жене, детям и самому себе, неизвестно как попался недостойному ростовщику, жестокому нравом, и еще более жестокому разумом и вообще человеку, в котором не было ничего здорового. Зачем длить (это описание)? Это было воплощение зла, настоящий зверь, волк, скрывающийся под овечьей шкурой. Попав к нему, какого только горя не испытал (ремесленник), чего только не вынес из того, что мучает несчастного бедняка? Чего тот только ни делал – этого было бы достаточно, чтобы сломать камень адамантовой крепости или смягчить железную Харибду... (Ростовщик) заткнул уши для речей бедняка, этот стенал и плакал, а тот напоминал Эриннию из трагедии... Уже бедняк готовил петлю, а ростовщик копал яму. Он беззаботно перелистывал свои записи, где читал размеры ссуды и убийственные проценты, это чудовищнейшее порождение ужасной ехидны. О, если бы проценты не порождали процентов, природа не изливывала бы из себя свою суть... О, сколь велика разница между богатством и бедностью... Насколько богатый для бедного кажется жадным волком, разрывающим бессильного агнца до костей и сухожилий!” И т.д., все описание занимает пять полных страниц (Ф., 431–435).

Точно так же меняется и облик тех варваров, которые фигурируют в житии. В первоначальном варианте это арабы, кочующие возле Евфрата, “разбойники поганые сарацины” (Р., 559.17–18). Но для Иртакина арабы более не актуальны, и их место занимают другие: “...повстречался варвар, страшный видом, мыслями, обликом, поступью и всем остальным, что характеризует дикого варвара. (Все) мы познали тавров и скифов, самых жестоких из кочевых варваров, которые (жестоки) настолько, что вместо кубков пользуются человеческими черепами и убивают встречаемых, словно жертвенных животных” (Ф., 442). Видимо, Иртакин намекает на татар!

Сама идеология некоторых эпизодов абсолютно меняется от версии к версии. Так, в Р. повествуется о том, как в некоем апамейском монастыре был монах-столпник, чью обитель решили ограбить разбойники; не найдя ничего ценного, один из них в раздражении “хотя съспешникъ своихъ оугасити бешенье, въсхвативъ съ земли камък върже на главу преподобного” (Р., 557.28–558.1). В С. этот эпизод описан чуть по-иному: “Некий столпник, знаменитый в той стране, по дьявольскому наущению вступил с кем-то в перепалку, так что в него был даже брошен камень” (С., 541.48–49). У Иртакина же все это приобретает уже отчетливо “бесовский” вид: “Столпник... был поражен камнем, неясно, чьим, а вернее, ясно, что дьявольским. Впрочем, некоторые утверждали, что (он пострадал) от некоего человека, с которым издавна имел ссору” (Ф., 438). Кстати, представления о размерах столпа, на котором стоял столпник, тоже поменялись с течением веков: это следует из описания в разных версиях доставки письма Анины к столпнику. Согласно Р., Анина призвал своего ручного льва и досыта накормил его для дальнейшей дороги (Р.,

558.5–7), потом привязал свое послание ему на шею (13–14) и велел бежать, никому не причиняя по дороге зла. Когда зверь добежал до монастыря, он принялся “ногътьми своими двѣри деруштоу, и ишгъдъ некий от живущих тоу виде и текъ поведе оучителю своему глаголя яко зверь превеликъ стоит пред дверьми. Он же рече сотворив молитву: брате, отверзи ему да влезет. Утръ же бывъ зверь и ногама преднима оперся о столп, выю же къ преподобному горе возведе подаяше книжица преподобному” (23–30). У Иртакина история выглядит несколько иначе: “Когда ему было вручено послание, он закусил его (зубами) и побежал... Прибыв же, он не мог вскарабкаться на столп, ведь тот вообще не был доступен для подъема, но бегал вокруг основания. Повстречав одного ученика (святого столпника), он, подобно охотничьей собаке, которая скребется и прыгает вокруг хозяина, выплюнул письмо. Затем, вытянув вверх голову и грозно подняв брови, он стал знаками показывать, чтобы тот быстро залез и передал учителю письмо” (Ф., 441)²².

Разница в том, что автор первого жития знал, как реально выглядят столпы, на которых стояли столпники, а именно, что они не очень велики. В XIV же веке столпничество было уже далеким воспоминанием, и в воображении Иртакина столп превращается в нечто гигантское.

Теперь мы сосредоточимся на тех исторических сведениях, которые содержатся исключительно в славянской версии жития и никогда не использовались историками. Оригинал (видимо, греческий, хотя нельзя полностью исключать и возможность того, что сам греческий прототип являлся переводом с какого-то изначального сирийского оригинала, родственного сочинению Якова Саругского) был составлен в монастыре, основанном Аниной. Инициатором написания текста был, скорее всего, преемник святого, Вероникиан (кстати, этот персонаж, фигурирующий в Минейном варианте, см.: М., л. 424е.26–28, упоминается и в сирийском житии как Bar-Niqine²³). Многие детали ранневизантийской святости в последующие века стали казаться скандальными и потому не попали в синаксарную версию: например, рассказ о том, как Анина заставлял приходивших к нему паломников ложиться на землю и топтал их ногами (Р., 556.4–557.19; ср.: М., л. 416с.1–27), донесен лишь славянской версией. Кроме того, ряд историй первоначального жития выпал в позднейших греческих переработках, потому что в них упоминались лица и обстоятельства, важные лишь для современников и близких потомков.

Так, автор древнейшей версии рассказывает про некоего примикирия Сергия Секунда²⁴. Он аттестован как важный начальник из Эмеса, который в ослабленном виде был привезен к святому, бился, кричал, оскорблял Анину и плевался. Его безуспешно пытались одолеть бывший протопоп Неокесарии Юлиан и иподиакон Иоанн, сын Феодора, но лишь Анина достиг успеха. Одновременно святой предусмотрел, чтобы люди, приехавшие посетить больного, не видели его в столь ужасном виде. По излечении Сергий вновь занял свой пост и часто приезжал навестить Анину (Р., 552.18–556.3, ср.: М., л. 415а.35–416б.21).

²² Этот колоритный эпизод отсутствует в сирийском варианте жития, хотя ручной лев в нем и упоминается, см.: *Bais S. II Topos...* P. 223. Зато Иосифу Песнописцу эпизод хорошо известен (Ms. Athos. Laura, D 37, f. 32r).

²³ *Nau F. Hagiographie syriaque.* P. 64.

²⁴ Это лицо не поддается отождествлению ни с одним из известных нам Сергиев ранневизантийской эпохи; единственный хоть сколько-то подходящий кандидат – тот Сергий, который служил губернатором провинции Сирия Секунда в 513–518 гг., ср.: *Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. Cambridge, 1980.* P. 994.

Важную историю рассказывает первый агиограф про “воеводу” Трокондия или Трокунда. Это Флавий Аппалий Илл Трокунд, исавр, в 476–477 гг. посланный императором Зиномом для взятия Антиохии, консул и *magister militum* 482 г. Он назван в житии стратилатом великого Антиохийского града. Захворав, Трокунд отправился за помощью к святому, но доехал только до Халкиды и послал своих “жупанов и сановитых” просить Анину самого прибыть туда. О том же умолял нашего героя и епископ Патрикий, но все они получили отказ. И вот важному сановнику пришлось смирить свою гордость и самому отправиться в пустыню²⁵. По прибытии к святому Трокунд сначала не мог ходить, но, излеченный Аниной, стал предпринимать пешие прогулки, “якоже видети новую Кесарию и Евфрат реку”, (Р., 560.28–562.6; ср.: М., 418a.5–418b.27)²⁶. *Terminus ante quem* для появления Трокунда в житии – 484 г., поскольку именно в этом году его брат Илл организовал мятеж, а Трокунд принял в нем участие, бежал, был пойман и казнен²⁷. Может быть, агиограф, осуждая вельможу за чрезмерную кичливость, как раз и намекает на его последующую печальную судьбу?

Позднее к Анине прибыл некий “Полатий от царствующего града”, заболевший в Апамее; святой и ему помог (Р., 562.6–563.14; ср.: М., 418b.30–418d.10). Затем был исцелен Тарина (Траян), “воевода исаврийскому языку” (Р., 563.14–564.19; ср.: М., 418d.20–419a.41). Потом в монастырь принесли страдавшего от болезни ног “Иринея Каллиопия”, который “старейшинствовал в Антиохийском граде”, и прожил после исцеления еще 9 лет (Р., 564.20–30, ср.: М., л. 419b.9–35). Может быть, здесь мы имеем дело с Иринеем, сыном Каллиопия²⁸, патрикием и викарием Востока?

Анина лечил не только людей, но и животных. Однажды стратиг Иринея привел к святому и коней с антиохийского ипподрома, на которых насылали порчу (Р., 564.30–565.12; ср.: М., л. 419b.28–419c.7). Волхование с целью вывести из строя лошадей соперников было весьма распространено среди ранневизантийских цирковых партий²⁹, однако способ, каким Анина снял сглаз, весьма оригинален: он впряг бесценных коней в жернова. Однажды к святому привели обезумевшего быка, который, порвав путы, стал бегать по монастырю, “и устремися во внутренний двор, и влезе в ятхульницу на братья ту делающих... якоже принуждены им быти самим въврешти в пещь хлебную и изволити паче в огне сгореть нежели от того събодену быти... прочие же все от ужасенья на превышняя хлевины влезоша”. Праведник утихомирил буяна (Р., 565.12–566.18; ср.: М., л. 419c.9–419d.40).

²⁵ Как можно понять из пересказа Ф. Но, это единственный “исторический” эпизод, попавший в сирийское житие Анины; там тоже упоминается, что начальник не желал ехать дальше Кенесрина (т.е. той же Халкиды), однако само имя чиновника не указано, он назван “одним из начальников в Ливане”, см.: *Nau F. Hagiographie syriaque*. P. 63.

²⁶ Эта деталь доказывает, что отождествление монастыря, основанного Аниной, с обителью Анании, предложенное Ф. Но (*Ibid.* P. 63. N. 1) и принятое впоследствии (*Vööbus A. Handschriftliche Überlieferung...* P. 30. N. 19) должно быть отвергнуто: монастырь Анании располагался возле Каллиника, довольно далеко от Неокесарии; какие бы успехи в деле выздоровления ни показал Трокунд, вряд ли он обрел способность преодолеть пешком десятки километров по пустыне, чтобы, как сказано в славянском житии, “видети Новую Кесарию”.

²⁷ *Martindale J.R. The Prosopography...* P. 1127–1128; *Stein E. Histoire du Bas-Empire. Vol. II. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. P. 30.*

²⁸ *Martindale J.R. The Prosopography...* P. 252.

²⁹ *Liebeschuetz J.H.G. Antioch. City and Imperial Administration. Oxford, 1972. P. 147; Jordan D.A. Curse on Charioteers and Horses at Rome// Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2002. Bd. 141. S. 141–147.*

Все действие жития происходит недалеко от Евфрата, за которым маячил вековечный враг – Иран, и из-за которого приходили иногда враждебные, а иногда дружественные арабские племена. Наш герой показан за частым общением с сарацинами: иногда он провидит их нападения и предупреждает заранее всех местных жителей (Р., 569.15–20; ср.: М., л. 421с.33–36), а иногда крестит отдельных кочевников (М., л. 421а.11–22 – этот эпизод сохранен лишь в Великих Минеях). Однако наиболее важен с исторической точки зрения следующий эпизод жития: “Веде яко и прежде моих словес весте все и слышали есте Сергия исаврийского племени князя поставлена велика родом в Озроене и Междуречии область держава от предел сарацинских... победу сотвори на вся лета на пагубныя персы и на помогающие им сарацины, и толико им одоле, якоже не точию заключити им вход в греческую землю вне пределов своих, но и ту им стяжати и из своея земли прогонити я иже побеждени от него многоличне и не могше противитися... Единому только образу остати ся им на умышление к спасению... волшебная хитрость. И абие волшебством своим чтомага от них беса в образе кумирсте призвавше послаша на мужа дух в образе змеине иже влезе в лоно мужа мучаще болезни непрестанни ему творя”. Но Анина изгнал змия (Р., 566.18–567.23; ср.: М., л. 420а.2–420b.27).

Ни о Сергии, ни о его успешных действиях против союзных персам арабов мы не узнаем из других источников. У Феофана можно найти расплывчатую фразу, что в начале правления Зинона (правил с 474 г.) арабы нападали на Месопотамию³⁰. И. Шахид предполагает, что “нападение, возможно, было инспирировано персами”³¹. Быть может, аггиограф имеет в виду именно этот эпизод? Это не исключено, однако Исаак Антиохийский, рассказывающий, по всей видимости, о том же самом рейде, локализует его значительно восточнее Неокесарии³². Есть больше оснований вспомнить о другом событии: в 484 г. произошел еще один рейд, известный из письма нисибийского епископа Бар Шавмы патриарху Мар Акакию. Сирийский автор рассказывает следующее: “В начале августа мы, во имя мира и в знак великой дружбы, позволили дуксу приехать в Нисибис, к марзбану (т.е. персидскому наместнику Кардагу Накорагану. – С.И.), и он был принят им с большим почетом. Пока они пили, ели и наслаждались общением, четыре сотни арабских кавалеристов нагло вторглись и напали на небольшие селения римлян. Когда об этом стало известно, это вызвало большое замешательство с обеих сторон, среди как римлян, так и персов. Генерал и сопровождавшие его вельможи разгневались на нас, поскольку решили, что все это случилось во имя унижения римлян; они считали, что мы пригласили их в Нисибис в обманных целях”³³. Бар Шавма не знает имени командующего. И. Шахид предполагает, что набег совершило племя, союзное персам³⁴. Поскольку в период правления Зинона никаких других событий в византийско-арабско-персидских отношениях не произошло, вполне возможно допустить, что житие Анины пересказывает, хоть и под другим углом зрения, тот же са-

³⁰ Theophanis Chronographia. Vol. I. Leipzig, 1883. P. 120. Источником Феофана здесь был отчасти Евагрий, который в похожих выражениях сообщает о нападении “варваров-скенитов (т.е. обитателей шатров)” (Evagrii Historia Ecclesiastica. III. 2. The Ecclesiastical History of Evagrius. L., 1898. P. 100.6–9), однако у того нет упоминаний о Месопотамии.

³¹ *Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Fifth Century.* Washington, 1989. P. 114–115.

³² *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Pt. II. AD 363–630. A Narrative Sourcebook / Ed. G. Greatrex, S.N.C. Lieu. L.; N.Y., 2002. P. 47.*

³³ *Ibid.* P. 115–117. Cf.: *Shahid I. Byzantium...* P. 115–117; *Dillemann L. Haute Mesopotamie orientale et pays adjacente.* P., 1962. P. 223.

³⁴ *Shahid I. Byzantium...* P. 117–119.

мый эпизод 484 г. В этом случае безымянный командующий из письма Бар Шавмы окажется Сергием Исаврийским из жития: видимо, он заболел во время своего визита в Нисибис и решил, что персы во время лицемерных переговоров как-то отравили или “испортили” его. Из-за этого страха храбрый вояка и отправился к Агнине. Наш славянский текст, переведенный в X в. в Болгарии, весьма далеко от Евфрата, позволяет, однако, точнее реконструировать события, происходившие на берегах этой реки полутысячелетием раньше. Житие Агнины опровергает пессимистический вывод И. Шахида: “It is possible that the sources are silent on these or, if they did record them, they are not extant”³⁵.

Многие события, упоминавшиеся выше, позволяют предположить, что Агнина жил в V в. Более того, большинство из них относится к 70-м – началу 80-х годов V в. Когда же скончался наш святой, проживший, если верить агиографам, 110 лет³⁶? Две сирийские рукописи, в которых содержится рассказ Якова Саругского о жизни Агнины, по-разному датируют его смерть: согласно ms. Paris. Syr. 235, он умер в марте 490 г., а если верить ms. Brit. Libr., Add. 12,174, то в 500 г.³⁷ Эта последняя дата повторена и в одном восточном меналогии³⁸. В Великих Минеях про нашего святого говорится, что он умер “в III днь мца марта лета единого AI” (М., л. 425а.15–17). Что это за “лето единое”, остается совершенно непонятным. Зато фраза тотчас обретает смысл, если допустить, что слово “единого” есть искажение слова “индикта”. Подобные случаи нередки: например, в надписи 1255 г. из Бояны индикт называется “едикто”³⁹. Если эта гипотеза верна, то получится, что речь идет о 18 марта одиннадцатого индикта. Разумеется, такая хронологическая привязка могла бы соответствовать многим различным датам, но все вышеизложенное позволяет значительно сузить наш выбор: если в 484 г. Агнина еще был жив (см. выше), это дает нам *terminus post quem*. С другой стороны, вся атмосфера жития несомненно отсылает нас к периоду до начала византийско-персидской войны 502 г., и это составляет твердый *terminus ante quem*. А в этом хронологическом промежутке (484–502 гг.) остается всего один год, падающий на одиннадцатый индикт. Это 488 г. н. э. Таким образом, мы полагаем, что год смерти Агнины можно считать установленным.

---

³⁵ Ibid. P. 119.

³⁶ М., л. 422d.33–38; *Nau F. Hagiographie syriaque*. P. 64; Ms. Athos, Lavra D 37, f. 33r.

³⁷ *Nau F. Hagiographie syriaque*. P. 64.

³⁸ *Analecta Bollandiana*. 1908. Vol. 27. P. 178.

³⁹ *Стојановић Л.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1902. Кн. 1. № 18.